

Рец. на кн.: LAUR VALLIKIVI. *WORDS AND SILENCES:
NENETS REINDEER HERDERS AND RUSSIAN
EVANGELICAL MISSIONARIES IN THE POST SOVIET ARCTIC.*
Bloomington, IN: Indiana University Press, 2024. XVII+336 p.

Штефан Дудек

Тартуский университет
16 Юликооли, Тарту, Эстония
dudeck@ut.ee

Аннотация: В рецензии дан критический анализ монографии Лаура Валликиви, посвященной обращению в протестантизм ненцев Полярного Урала. В центре книги — вопросы изменения представлений о личности, этике, языковых практиках и духовности в ненецкой общине, которая оставалась в стороне от большинства социальных и экономических трансформаций советского времени, но в последние десятилетия пережила переход в протестантизм значительной части своего сообщества. Автор рассматривает противоречия между ненецкими культурными идеалами независимости и взаимности в отношениях и иерархическими формами зависимости, укорененными в протестантском мировоззрении. Чтобы показать онтологические и эпистемические сдвиги, которыми сопровождается обращение в новую веру, Валликиви предлагает многоуровневый анализ самых разных событий — от сожжения сакральных предметов до переосмысления ненцами говорения и молчания. В рецензии обсуждаются религиозоведческие и антропологические теории, привлекаемые автором для осмысления влияния христианизации на самосознание и мировоззрение ненцев. Рецензируемая книга представляет захватывающую историю о том, как религиозная конверсия способствует перестраиванию отношений между людьми, нечеловеческими акторами и окружающей средой, тем самым внося значительный вклад в социальные исследования Севера и антропологические исследования религии.

Ключевые слова: ненцы Полярного Урала, миссионерство, протестантская этика, анимизм, личность, оленеводство.

Для ссылки: Дудек Ш. Рец. на кн.: Laur Vallikivi. *Words and Silences: Nenets Reindeer Herders and Russian Evangelical Missionaries in the Post Soviet Arctic.* Bloomington, IN: Indiana University Press, 2024. XVII+336 p. // Антропологический форум. 2025. № 65. С. 213–228.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-213-228

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/065/dudeck.pdf>

**A Review of LAUR VALLIKIVI, *WORDS AND SILENCES:
NENETS REINDEER HERDERS AND RUSSIAN
EVANGELICAL MISSIONARIES IN THE POST SOVIET ARCTIC.***
Bloomington, IN: Indiana University Press, 2024, XVII+336 p.

Stephan Dudeck

University of Tartu
16 Ülikooli, Tartu, Estonia
dudeck@ut.ee

Abstract: This review critically examines Laur Vallikivi's monograph *Words and Silences: Nenets Reindeer Herders and Russian Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic*, a detailed ethnographic study of religious conversion among the Nenets of the Russian Arctic. The book analyses the transformation of concepts of personhood, ethics, linguistic practices and spirituality among a particular group of Nenets who were never integrated into most of the social and economic changes and political system of the Soviet Union, but who in recent decades have witnessed the conversion of a significant part of the community to Protestantism. The author explores the tension between the Nenets' cultural ideals of independence and relational reciprocity and the hierarchical dependencies of Protestant ideology. He provides a multi-layered analysis of events ranging from the burning of sacred objects to the reinterpretation of speech and silence among the Nenets, in order to shed light on the ontological and epistemic shifts brought about by conversion. The review examines how Vallikivi uses theories from religious studies and anthropology to understand the implications of conversion for identity and worldview. The book offers a compelling narrative of how religious conversion catalyses a reconfiguration of relationships with humans, non-humans and the environment, marking it as a significant contribution to the anthropology of religion and Arctic studies.

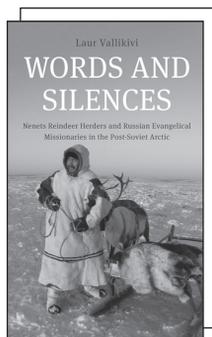
Keywords: Ural Nenets, Christian mission, Protestant ethics, animism, personhood, reindeer herding.

To cite: Dudeck S., 'A Review of Laur Vallikivi, *Words and Silences: Nenets Reindeer Herders and Russian Evangelical Missionaries in the Post Soviet Arctic.* Bloomington, IN: Indiana University Press, 2024, XVII+336 p.', *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 65, p. 213–228.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-213-228

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/065/dudeck.pdf>

Рец. на кн.: Laur Vallikivi. *Words and Silences: Nenets Reindeer Herders and Russian Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2024. XVII+336 p.

В рецензии дан критический анализ монографии Лаура Валликиви, посвященной обращению в протестантизм ненцев Полярного Урала. В центре книги — вопросы изменения представлений о личности, этике, языковых практиках и духовности в ненецкой общине, которая оставалась в стороне от большинства социальных и экономических трансформаций советского времени, но в последние десятилетия пережила переход в протестантизм значительной части своего общества. Автор рассматривает противоречия между ненецкими культурными идеалами независимости и взаимности в отношениях и иерархическими формами зависимости, укорененными в протестантском мировоззрении. Чтобы показать онтологические и эпистемические сдвиги, которыми сопровождается обращение в новую веру, Валликиви предлагает многоуровневый анализ самых разных событий — от сожжения сакральных предметов до переосмысления ненцами говорения и молчания. В рецензии обсуждаются религиозно-ведческие и антропологические теории, привлекаемые автором для осмысления влияния христианизации на самосознание и мировоззрение ненцев. Рецензируемая книга представляет захватывающую историю о том, как религиозная конверсия способствует перестраиванию отношений между людьми, нечеловеческими акторами и окружающей средой, тем самым внося значительный вклад в социальные исследования Севера и антропологические исследования религии.

Ключевые слова: ненцы Полярного Урала, миссионерство, протестантская этика, анимизм, личность, оленеводство.

Выход в свет монографии Лаура Валликиви о небольшой коренной общине в Российской Арктике стал для меня и радостью, и неожиданностью. Сразу скажу, что я не являюсь, да и не желаю быть нейтральным и беспристрастным читателем, как положено рецензенту. Автор — мой друг, мы работаем на одном факультете Тартуского университета, и в списке благодарностей в предисловии есть и мое имя. Как и автор книги, я работал с ненцами, но если поле Валликиви было в самом центре Большеземельской тундры, рядом с Уральскими горами, то мое — среди канинских ненцев в Европейской тундре и среди лесных ненцев в Сибири, т.е. на западной и восточной границах огромной территории их расселения, между которыми почти полторы тысячи километров. В начале 2010-х гг. представители той же общины *Ямб то*, где работал Валликиви, приглашали меня в совместный проект по устной истории, но мне не удалось получить пропуск в пограничную зону.

Штефан Дудек
Тартуский университет,
Тарту, Эстония
dudeck@ut.ee

Впрочем, мои положительные впечатления от книги обусловлены не только этими обстоятельствами, но и ее содержанием — как интересными материалами, так и аналитикой. Я изо всех сил постараюсь сохранить критическую дистанцию и не только похвалить рецензируемую книгу, но и отметить то, что нуждается в дальнейшей разработке и изучении. Что касается моего удивления, то оно отчасти связано с тем, что книга Лаура Валликиви выходит более чем через десять лет после того, как он защитил в Кембриджском университете диссертацию на ту же тему. Научным руководителем Валликиви был Пирс Витебски, который, как никто другой, вдохновил целое поколение западноевропейских антропологов, начавших заниматься российским Севером после падения «железного занавеса».

Книга вышла в тот момент, когда большинство антропологов этого поколения, получивших образование в университетах Западной и Центральной Европы, перестали приезжать в Россию и будущее полевой антропологии, которая сформировалась в российской Арктике после падения «железного занавеса», оказалось туманно. Вопрос, на который рецензируемая книга не может, да и не стремится ответить, — насколько исследования, проведенные за последние десятилетия и касающиеся различных аспектов социальной и культурной, а также экономической и политической жизни в отдаленных арктических сообществах России, актуальны сейчас. Книга посвящена такой теме и такому сообществу, которые были абсолютно недоступны даже для ученых из российских академических институций, пока во время перестройки не открылось «окно возможностей». Сейчас доступ к ним вновь крайне затруднен (ср.: [Kasten et al. 2024]). Скорее интуиция, чем основанное на знании убеждение, подсказывает мне, что такая отложенная публикация результатов исследования, начатого в первой половине 2000-х гг. и посвященного периоду кардинальных социальных и культурных изменений, актуальна сейчас и станет еще актуальнее для научных работ самой разной дисциплинарной ориентации, в том числе за пределами конкретного региона, в ближайшее десятилетие. Исходя из моих собственных дисциплинарных интересов, попробую указать на некоторые моменты, существенные в этом отношении. Однако, прежде чем перейти к разговору об актуальности, кратко изложу содержание книги.

Монография Валликиви состоит из введения, семи частей и заключения. Во введении автор дает общий контекст, приводя информацию об исследуемой географической зоне в Европейской Арктике и формулируя интересующие его вопросы. В центре его внимания — как религиозное обращение приводит к изменению этики, представлений о социальных отношениях,

личности и субъектности, лежащих в основе человеческого поведения, как это можно изучать посредством анализа речевых практик и изменений в способах говорения и молчания и как сами люди осмысливают эти перемены.

В первой главе, которая могла бы стать отдельной монографией, изложена предыстория религиозного обращения в конкретной ненецкой общине. Научное любопытство автора вызвали разговоры с ненецкими интеллектуалами, которые и вдохновили его на исследование одной группы, сохранившей ненецкую культуру, с точки зрения собеседников Валликиви, в первоизданном, нетронутым виде (Р. XIII). История так называемой общины *Ямб то*, как и других ненцев Полярного Урала, действительно уникальна для полярного региона и для Советского Союза в целом. Речь идет о нескольких сотнях семей, которые большую часть XX в. оставались неподконтрольны государству. Несмотря на все попытки советского государства в корне изменить жизнь каждого жителя его огромной территории, эта цель так и не была окончательно достигнута. Всесторонние экономические преобразования приходили волнами и осуществлялись посредством государственного контроля над сельскохозяйственной деятельностью и натуральным хозяйством, который вводился в форме колхозов и госпредприятий, регистрации населения, обязательного образования и службы в армии, а также медицинского обслуживания, налогообложения и охраны правопорядка на всей территории СССР. Тем не менее людям, особенно в малонаселенных районах, в разные времена удавалось оставаться недостижимыми для государственных институций.

Известный пример такого рода — обособленные семьи старообрядцев, которые порвали все связи с внешним миром и живут натуральным хозяйством на юге сибирской тайги. Однако оленеводы европейской тундры в районах Полярного Урала представляют исключительный случай в силу многочисленности людей, успешно скрывавшихся от советской власти почти пятьдесят лет. Хорошо помню, как западные средства массовой информации предавались колониальным фантазиям, рассказывая о «неизвестных племенах» в России, что, конечно же, не соответствовало действительности. Предпринятый Валликиви исторический экскурс показывает, как в принципе могли существовать эти независимые группы ненцев: как в силу самых разных обстоятельств чиновники закрывали глаза на их существование, опасаясь лишних проблем, и как ненцы, стараясь избежать навязываемого им контроля, использовали подобный взгляд государства, а точнее его слепоту (если воспользоваться терминологией Джеймса Скотта [Scott 1998]).

Разумеется, необходимым условием для столь радикальной формы независимости были характерные для ненцев кочевой образ жизни и отношения с арктической средней обитания, которую они делили с одомашненными северными оленями. Однако для определения тех людей, с которыми он работал в 2000-х гг., автор выбирает слово «независимые» (*independents*). Несмотря на то что это перевод ярлыка «единоличник», введенного в советское время для обозначения оленеводов-одиночек, еще не охваченных коллективизацией, с его выбором мне остается только согласиться. Такие «независимые» встречались и в других областях. Например, колхозные оленеводы, выходя на пенсию, порой забирали нескольких оленей и прекращали свое членство в колхозе. А во многих отдаленных регионах бывшего Советского Союза нередки истории о беглецах, по тем или иным причинам скрывавшихся от государства. Местные традиции самообеспечения и содействие окружающих давали им возможность жить таким образом. Впрочем, какие-либо систематические исследования этого явления мне неизвестны.

Ненцы-«единоличники» избегали государственного контроля по ряду причин. С одной стороны, они следовали тем вековым стратегиям уклонения, которые скотоводы-кочевники выработали в ответ на попытки государства усилить контроль над ними и их территориями. С другой стороны, они спасались от жестких мер, предпринимаемых государством в ответ на те формы сопротивления, которые трактовались властями как бунт. Кроме того, свою роль сыграло и укорененное в культуре противопоставление кочевого образа жизни независимых домохозяйств с его неприятием и осуждением оседлости и жизни несвободных горожан и крестьян, которых ненцы обобщенно называют *луца* («русские»). О подобном отношении к независимости и о присутствии оленеводам уклонении от некоторых форм социальных отношений как о культурном идеале в книге говорится неоднократно. Эти представления вступают в диссонанс с протестантскими идеями о свободе выбора, отрешенности от всего «мирского» и беззаветной преданности монотеистическому Богу, что подогревает читательское любопытство и заставляет внимательно следить за той необыкновенной историей, которая рассказывается в книге. «Свобода» и чувство «независимости» высоко ценятся и в протестантском мире, и в дохристианском мире ненцев. Конечно, когда говорят о «свободе», часто умалчивают о зависимости, о всех тех видах обязательств, которые связывают людей друг с другом. В случае ненцев это обязательства соблюдать табу, правила молчания, а также принцип реципрокности, согласно которому вещи и связанные с ними отношения циркулируют внутри сообщества. Протестантские формы зависимости, напротив, устроены скорее как пирамида, чем как

круг: здесь есть очевидная вершина, которая определяет все формы зависимости, запретов и реципрокных отношений.

Принимая во внимание удивительную историю ненецких «единоличников» в СССР и ту огромную роль, которую переплетение экологического и социального знания сыграло в их выживании, нельзя не задаться вопросом: почему многие из них присоединились к протестантским церквям баптистских и пятидесятнических деноминаций, которые требуют значительных идеологических изменений, тем самым ставя под сомнение большую часть ненецких знаний? Ответ на этот вопрос Валликиви пытается найти в следующих главах, анализируя конкретные события в жизни конкретных людей.

Вторая глава книги посвящена историям обращения ненцев в христианство. В ней рассматривается, как сами люди рассказывают эти истории и как объясняют причины обращения. Основной методологический принцип антропологии гласит, что исследователь может понять людей, чей образ жизни и мировоззрение отличаются от его собственных, только приняв их точку зрения всерьез и подавив желание критиковать или оспаривать те допущения, на которых она основана. Валликиви идет по этому пути, не скрывая ни собственного непонимания, ни недовольства своих собеседников тем, что он не хочет или не может принять их религиозный выбор, как это было с миссионерами. В частности, автор вспоминает, как один обращенный, по его просьбе исполнивший мифологические сказания и эпические песни, на утро упрекнул его за это, испытав чувство вины (Р. 184).

В книге довольно кратко говорится о мотивах поиска и освоения новых религиозных практик, подобных ненецкому обыкновению постоянно выискивать новые технологии и изобретения, которые могут хорошо вписаться в их образ жизни, такие как резиновые сапоги, буржуйки или снегоходы (автор определяет эти практики как «утилитарные», противопоставляя их «духовным»). У читателя складывается впечатление, что утилитарные и даже материальные мотивы, вероятно, играли немаловажную роль в истории обращения Ивана. Под этим именем Валликиви выводит одного из главных героев книги, который был в числе первых в общине предпринимателей и, вместе со своим братом Андреем, другим протагонистом, первым, кого родители отдали в школу-интернат. Однако кажется, что сами обращенные не так часто говорят о практических интересах или материальных запросах, побуждающих их менять религию, поскольку, с их точки зрения, единственно оправданными выглядят лишь духовные устремления. На то, что в общине явно обсуждаются разные мотивации, указывают высказывания

других людей и особенно критика, исходящая от необращенных ненцев. Тем не менее автор решает сосредоточиться на том, что люди говорят о себе сами, возможно потому, что как человеку, ограниченно включенному в социальный контекст, ему непросто разобраться в скрытых мотивах, которые определяют моральные суждения о чьем-либо поведении.

В центре третьей главы — история миссионерской деятельности среди ненцев. Здесь затрагивается ряд вопросов, важных как для истории протестантской церкви, так и для ненецких общин советского периода: стремление уйти от государственного контроля и особые идеологические установки по отношению к внешнему миру. В частности, описывается локальный контекст появления церковных общин как внутри системы ГУЛАГ, так и вокруг нее, в окрестностях Воркуты, на одном из рубежей северной индустриализации. Много в истории и баптистских церквей, и общины *Ямб то* так или иначе отражает советскую государственную политику подавления культурного и идеологического инакомыслия. Хотя об этом упоминается лишь мимоходом, меня поразило, что в церковном обиходе до сих пор сохраняются символы и практики, заимствованные из государственных институтов. Например, в обряде крещения используется медицинская или военная униформа, миссионер носит форму железнодорожного инспектора, а на стенах моленных висят плакаты с цитатами из Библии, оформлением напоминающие советский агитпроп.

Обрисовав общий контекст, необходимый для исследования религиозного обращения, в четвертой главе автор переходит к описанию ключевых событий и практик в жизни неофитов и их семей. В некотором смысле эта центральная глава наиболее драматична. В ней рассказывается о разрушении — полном разрыве тех социальных связей, на которых основывалась вся прошлая жизнь человека. Валликиви подробно описывает, как по наставлению миссионера и при поддержке своих детей, уже принявших протестантизм, оленевод сжигает сакральные предметы, унаследованные им от предков или взятые из священных мест по соседству. Ход событий, обусловленных неверными представлениями миссионера о ненецких практиках и неспособностью владельца сжигаемых предметов объяснить эту логику, позволяет читателю понять диалектику эпистемического насилия. Это событие настолько семиотически насыщено, что описать все задействованные здесь понятия и противоречия трудно, поскольку каждый шаг, каждое высказывание, каждый миг молчания, каждое принятое решение и каждое следующее за ним действие, как кажется, нагружены множественными значениями, не все из которых очевидны участникам. Какие-то вещи были сожжены, какие-то (против воли их владельца)

миссионер сохранил, однако его попытка убедить неопита полностью освободиться от отношений с нечеловеческими существами во имя ревнивого монотеистического Бога, как кажется, провалилась.

В следующих главах в каком-то смысле повторяется то же чередование перспектив, к которому автор обращался ранее, переходя от истории ненецкой общины к истории общин протестантских, а в главе о сожжении сакральных предметов — от миссионера к владельцу этих предметов. Но в главах с пятой по седьмую он сосредоточивается на главной теме монографии — смене понятий, определяющих практику речи. В пятой главе ставится трудная задача описать в научных терминах ненецкие представления о словах и ту сложную логику говорения и молчания, когда слова используются для совершения действий, но также существуют сами по себе как реляционные и распределенные сущности. Например, для объяснения ситуации, когда жених посещает семью невесты и договаривается о том, какие будут отношения не только между их родителями, но и между патрилинейными родственными группами и связанными с ними нечеловеческими сущностями, Валликиви обращается к теории речевых актов и перформативности. Логика выстраивания отношений с потенциальными родственниками по браку, которые всегда представляются амбивалентными Другими, отражает аналогичные отношения с нечеловеческими акторами или другими людьми — хищниками, покойниками или «русскими». Все они опасные, но необходимые партнеры, и взаимодействие с ними регулируется посредством вдумчивого использования слов и молчания. Особенно поражает то, что вербализованные эмоции, часто в форме песен, не служат выражением индивидуальных внутренних процессов, а распространяют вербальные практики на других людей, что и приводит к установлению отношений. Такие эмоции не монологичны, это всегда диалог. Показательны практики исполнения личных песен: их название *ябе се* ‘пьяные песни’ (Р. 182) указывает на еще одну сквозную тему книги, а именно на практики, связанные с употреблением алкоголя или отказом от него (последнее крайне важно при обращении в протестантизм).

Если шестая глава вновь возвращается к протестантским языковым идеологиям и их столкновениям с ненецкой концепцией говорения и молчания, то седьмая посвящена теоретическому осмыслению того, как переход в протестантизм и отказ от привычных практик и понятий влияют на понимание людьми самих себя и выстраивание отношений с другими. Обращаясь к теориям из области антропологии и философии языка, автор пытается концептуализировать то, как смена религии сказывается на мировоззрении ненцев. Ему удастся показать разверну-

тую и убедительную картину производства нового я, рожденного из личной связи с монотеистическим Богом. Кажется, новая субъектность не оставляет возможности договариваться о выстраивании социальных отношений с онтологически различными существами, с которыми люди разделяют способность строить эти социальные отношения.

Тем не менее ненцам приходится сосуществовать с северными оленями, что требует умения подстраиваться под их потребности, а не только думать о том, как за их счет обеспечить себя пищей, одеждой или жильем, с хищниками, отношения с которыми не строятся лишь на желании их истребить, с природной средой, которая вынуждает признать ее разумность, ведь иначе не выжить. Понятия реципрокности, а также избегания (молчание — лишь один из его аспектов), по всей видимости, крайне важны. Пример в начале шестой главы иллюстрирует двойное отрицание со стороны новообращенных той роли, которую в жизни ненцев играет молчание. Они не только отказываются соблюдать речевые запреты, но и, как велит им библейское учение, называют «язычников» пустыми болтунами, как будто чувствуя себя обязанными вдвойне отвергать логику сохранения дистанции и соблюдения баланса сил между разнообразными агентами, требующими уважения, реципрокности и тщательно выстраиваемых отношений. Новообращенных призывают полностью оборвать эти связи. На протяжении всей книги автор неоднократно упоминает, что молодое поколение ненцев, выросшее после обращения родителей, все чаще стремится к культурным изменениям, выказывая желание покинуть тундру и оленеводческую жизнь. Решение обращенных спасти жизнь своей общины от приближающегося кризиса может привести к неожиданному результату — спасению жизни, но утрате общности, по крайней мере общности с нечеловеческими существами, с которыми они делят среду обитания, и общности с той средой обитания, которую создают эти отношения.

Анализ Валликиви сосредоточен на вопросах этики, языка, субъектности, личности и реляционности. Автор упоминает и формы реципрокности и дистанцирования, но сложные практики выстраивания и поддержания отношений с северными оленями и хищниками, нефтяными и газовыми компаниями, государственными чиновниками и соседними оленеводами, а также различные формы и концепции реципрокности и их изменения после перехода в протестантизм описываются лишь намеками, без глубокого анализа. Есть ощущение, что смена эпистемологических оснований повлияла и на восприятие реципрокных отношений с этими значимыми другими. Возможно, некоторые из них — олени или хищные звери — стали восприниматься не как партнеры, а как объекты, которые

должны быть подконтрольны человеку. Возможно, традиционные промыслы сменились на более выгодные занятия. Подобные изменения в социальных отношениях и в представлениях о реципрокности могли породить желание изменить образ жизни на более соответствующий новому мировоззрению, например на городской образ жизни некоренных членов протестантской общины.

Языковые изменения, вызванные религиозным обращением, не только касаются способов восприятия и взаимодействия, но и, по сути, означают переход с ненецкого на русский. Вместе с тем у соседних групп ненцев, например на восточных и западных границах ареала, языковой сдвиг уже произошел, а протестантская миссионерская деятельность не увенчалась успехом (хотя ее влияние на отказ от алкоголя общепризнано). В книге читатель не найдет ответа на вопрос, почему языковой переход в этих общинах не был связан с обращением к новой религии, несмотря на схожие условия. Между тем интересно, изменились ли взгляды автора на эту проблему за те годы, что он работал в регионе, особенно после того как он стал свидетелем трудностей «единоличников», которых изгнали с пастбищ стараниями одного российского предпринимателя из Воркуты, разводившего оленей для своего мясного бизнеса в этом районе (случай, который автор кратко упоминает в книге).

В заключении в центре внимания автора вновь оказывается тот этический субъект, который возникает в результате отказа от старых способов говорения и освоения новых. Здесь автор пытается ответить на некоторые вопросы о последствиях радикальных изменений, описанных в предыдущих главах. Он указывает на противоречия и парадоксы этого процесса и заканчивает на весьма скептической ноте, рассуждая о долгосрочном успехе проекта по внедрению в ненецкое общество «великой тотализирующей моральной системы» (Р. 250). Вопрос, конечно, не в том, что именно окажется в будущем более устойчивым: вековые отношения между оленеводами и окружающей средой, которые не могут забыть те, кому приходится жить в тундре, или новые привнесенные формы отношений с их высокой способностью к трансформации. Будущее ненецких семей во многом зависит от обстоятельств, внеположных этому противостоянию, и от того, как будут складываться политические и экономические условия. Ненцы, как и другие сообщества российского Севера, славятся своей устойчивостью к воздействию извне, но, как показывает история некоторых соседних групп ненцев, социальная инженерия может настолько повредить социальную ткань, что выходом станет лишь радикальное изменение образа жизни и уход из тундры (ср.: [Tuisku 2001]).

Помимо обычной справочной информации — библиографии и указателей — в книге есть приложение с общими сведениями об основных героях текста, которых порой трудно запомнить из-за постоянных переключений между их историями и теоретическими построениями. Временами читатель теряется в разных семействах и отношениях между ними. Еще одна проблема состоит в том, что своих героев в тексте автор называет личными именами, которыми служат псевдонимы, и это делает их частично невидимыми. Как читатель, я не вполне понимаю, с кем имею дело. Эти главные герои оживают в историях, которые иногда основаны на взаимодействии, беседах и наблюдениях антрополога, а иногда — на их собственных нарративах, пересказанных или процитированных исследователем. Личности протагонистов частично раскрыты, и их нетрудно узнать на многочисленных и хорошо подобранных фотографиях — бесспорно, важном дополнении к книге. Кроме того, мы узнаем, что упоминать личное имя человека — это табу (Р. 178), но обратившиеся в христианство от него отказываются. Что сами герои книги думают о выбранных для них псевдонимах? Мне кажется, современные читатели этнографических работ будут задавать подобные вопросы и ожидать на них ответа.

Если бы мне нужно было назвать только один аспект, который я хочу увидеть разработанным более подробно, то это было бы взаимное влияние религиозного обращения и тех материальных условий, в которых сейчас живут ненцы. Поскольку смена религии затрагивает эпистемические основания, на которых строятся отношения с окружающей средой и внутри социальной структуры, она может порождать не только надежды, но и неожиданные проблемы в экономической сфере, связанные с новым восприятием отношений между человеком и животными, формами материального обмена между людьми, представлениями о вещах, которые можно иметь в собственности, добывать, присваивать или обменивать.

Несмотря на то что книга посвящена изменениям в способах говорения и молчания и, шире, взаимосвязи вербальной коммуникации и знания (в основном о себе и своих отношениях с невидимыми силами), сами эти способы говорения и молчания во взаимодействии с исследователем практически полностью остаются за рамками анализа. О разговорах Валликиви с героями книги и об их реакции на его научные интересы мы узнаем мало. По всему тексту рассыпаны намеки на то, что и с протестантской, и с «языческой» точки зрения этнографический способ слушания и говорения / формулирования вопросов оказывается проблематичным. Этнограф, конечно, как-то приспособливается, подстраиваясь под ожидания обеих групп. Однако у его партнеров, по-видимому, остаются сомнения

по поводу установленных с ним отношений. Если для неясных и нестабильных отношений — с духами, хищниками, *луца* и родственниками по браку — ненецкая манера речи предлагает множество вариантов, то протестантские отношения с чужаками, судя по всему, сосредоточены на их потенциальной связи либо с силами добра, либо с силами зла. Поэтому миссионера по имени Павел особенно волнуют мотивы и методы исследователя, а также связанная с ними этическая позиция. Ход рассуждений миссионера важен для понимания его идей. Я бы не сказал, что методологические решения автора неясны, но в тени остаются способы получения знаний и налаживания отношений с семьями оленеводов, в первую очередь то, как сами оленеводы воспринимали исследователя и чего ожидали от него. С некоторыми из них у автора возникла столь крепкая дружба, что ей не угрожали даже конфликтные ситуации (как в случае с оленеводом по имени Егор). Что, помимо простого гостеприимства, побуждало оленеводов поддерживать отношения с исследователем? Почему они были заинтересованы в его проекте и что надеялись получить благодаря ему?

Другой вопрос, неизбежно возникающий при чтении, касается контекста исследования и связан с тем, что сейчас ситуация, по всей видимости, кардинально меняется. Исследование Валликиви проводилось в эпоху ренессанса антропологических работ о религиозных практиках, и публикация книги фактически знаменует конец этой эпохи. Однако о контексте формирования целого поколения сибиреведов в книге говорится мало. Безусловно, подобные исследования были и в Советском Союзе, но тогда о ритуальных практиках и связанных с ними взглядах на окружающую среду приходилось говорить как об исчезающих пережитках прошлого. Начиная с 1990-х гг., особенно во время научных встреч «магического круга»¹, местом, которое определило профессиональное становление множества исследователей Сибири и российского Севера, стал Институт полярных исследований имени Скотта в Кембридже во главе с Пирсом Витебски. Он притягивал людей не только с Запада, но и из России, включая представителей коренных народов. Кроме того, в Кембридж потянулись студенты из постсоциалистических стран (из той же Эстонии, как автор рецензируемой книги) — со своим багажом исторического опыта и интересов, обусловленных принадлежностью к той же семье уральских языков, на которых говорили некоторые народы в Советском Союзе, и общей историей подчинения российской и советской имперской политике.

¹ Magic circle — название неформального кружка в Институте полярных исследований имени Скотта в Кембридже [Прим. ред.].

Долгое время изучение религии на Севере определялось представлениями о шаманизме, которые восходили к колониальным заблуждениям относительно ритуальных практик, на сторонний взгляд как поселенцев, так и исследователей, однородных и похожих на привычные им монотеистические концепции и трактовки ритуала [Хаккарайнен 2007]. Но, хотя Валликиви и упоминает об истории этого неоднозначного термина, в вопросы наименования и сопоставления различных нехристианских представлений о духах и ритуальных специалистах, обозначаемых в книге как шаманы, или по-ненецки *тадебя*, он не углубляется.

Если после падения «железного занавеса» первая волна западных исследований российского Севера и Сибири была посвящена преимущественно нехристианским религиозным практикам, то интерес к деятельности христианских миссионеров и особенно к распространению среди коренных народов «новых» протестантских деноминаций возник позже. Лишь в конце 1990-х гг. внимание ученых привлек неожиданный успех протестантских проповедников среди групп, не отказавшихся от своих религиозных практик ни под давлением православных священников, ни во время советских антирелигиозных кампаний. В частности, Валликиви упоминает исследование обращения ненцев в протестантизм, которое поблизости от тех мест, где он работал, и практически одновременно с ним проводила Татьяна Ваграменко [Vagramenko 2014]. Несомненно, она была значимым для него собеседником при обмене идеями. Прочитав книгу Валликиви, я задумался, как оба исследователя воспринимают и оценивают работу друг друга. Автор ссылается и на другие работы по своей теме. Например в пятой главе в первой же сноске приведен целый список исследований о молчании как форме взаимодействия в ненецкой культуре, который, однако, остается без какого бы то ни было критического обсуждения. Неужели научные отношения в североведении столь благочинны, что публичная критика невозможна без угрозы важным связям взаимной поддержки и солидарности? Прекарность академического труда, знакомая мне не понаслышке, часто не позволяет выразить несогласие или указать на изъяны аргументации. У меня сложилось впечатление, что если при обсуждении теоретических работ автор все же позволяет себе критику, то когда дело касается этнографических работ о ненцах, уклоняется от нее.

Книга Лаура Валликиви заслуживает внимания не только ученых, интересующихся антропологией протестантского прозелитизма среди коренных народов и теоретическими проблемами обращения. Акцент на смене религии и полевая работа среди новообращенных ненцев позволяют автору выявить

глубинные установки того мировосприятия, от которого ненцы отказываются после обращения. Валликиви ссылается на идею Витебски, что религиозное обращение — это не столько смена старой религии на новую, сколько отказ от старых способов познания и выстраивания отношений. Обсуждение подобного опыта с теми, кто решился его пережить, и наблюдение за реакцией их социального окружения дают возможность многое узнать об этих «старых способах». В итоге изучение обращения у ненцев позволяет автору дать насыщенное описание отношений оленеводов с окружающей средой, их форм социального взаимодействия и принципов коммуникации, предшествовавших обращению. В этой дохристианской традиции важнейшим элементом является молчание, и подчеркнутая в заглавии значимость множественных форм молчания как особого вида воздержанности в общении кажется более чем оправданной.

Наряду с проблемой молчания в книге поднимается тесно связанный с ней вопрос о том, почему алкоголь и его употребление столь существенны не только как мотивы обращения в протестантизм ненцев *Ямб то*, но и в целом для ненцев и других коренных народов. В книге приведены примеры того, сколь важную роль алкоголь играет для регулирования социальных отношений, позволяя нарушать те границы, которые поддерживает молчание. В результате может возникать не только близость, но и насилие, и всегда есть риск, что одно перерастет в другое. Помимо алкоголя, в ненецкой культуре есть и другие культурные техники, обладающие таким же эффектом. Многие из них, например приемы ведения войны, жестоко пресекались представителями государства, которые пытались утвердить свою монополию на насилие. В историях ненцев-протестантов и ненцев-язычников, приведенных в книге, прослеживаются некоторые неоднозначные последствия как употребления алкоголя, так и воздержания от подобных трансгрессивных практик, хотя теоретическая концептуализация такого рассогласования пока выглядит недостаточной.

Поскольку основное внимание в тексте уделяется вербальному уровню, на заднем плане остаются и зрительные ощущения. В книге много иллюстративного материала, и одни только фотографии позволяют увидеть, как в процессе перехода в другую религию меняются правила визуальности. Внимание автора к говорению и молчанию понятно, но уже само по себе описание сожжения сакральных предметов в центральной главе пробуждает почти кинематографическое воображение. Можно думать, что подобные события предполагали активную работу всех органов чувств. В первую очередь это касается главных ритуалов, которые зачастую представляют собой

ключевые, эмоционально насыщенные события, задействуют больше одного канала восприятия и потому должны анализироваться как мультисенсорные явления. Думаю, что обращение — способ не только повторно научиться говорить и молчать, но и начать по-другому воспринимать мир с помощью зрения и всех других органов чувств.

Большинство читателей книги Лаура Валликиви едва ли имеют возможность непосредственно познакомиться с людьми из ненецкой общины *Ямб то*. Тем не менее я убежден, что прочитать эту книгу стоит и тем, кто не собирается ехать к ненцам. Прежде всего она дает материал для сопоставления с широким спектром социальных явлений, которые в постколониальном, постсоциалистическом, неоколониальном и неоавторитарном мире подталкивают людей к радикальной смене форм идеологической принадлежности. В книге Валликиви о религиозном обращении ненцев внимание сфокусировано на побуждающих к этому мотивациях. Это понятие часто истолковывают неверно — как нечто, зарождающееся во внутреннем мире человека. Автор демонстрирует, что такое восприятие индивидуального выбора и субъектности возникает именно в процессе обращения в христианство и задним числом порождает те личные мотивы, которые можно разделить на утилитарные и духовные (Р. 40). Однако на этом Валликиви не останавливается и показывает то, что можно назвать движущими силами того самого (выглядящего личным) шага к приверженности новой форме веры и практики. Это могут быть, конечно, и религиозные формы обращения, но, как следует из широко распространенной сентенции о «превращении Савла в Павла», обращение — общечеловеческое свойство. Дело не в характере или морали, а в том, как герои относятся к другим людям и, шире, к окружающей среде, которую они делят с разными существами. На эти вопросы в первую очередь и дает ответы антропологическое исследование.

Библиография

- Хаккарайнен М.В. Шаманизм как колониальный проект // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 156–190.
- Kasten E., Krupnik I., Fondahl G. (eds.). *A Fractured North: Facing Dilemmas*. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2024. 258 p.
- Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT; London: Yale University Press, 1998. XIV+445 p.
- Tuisku T. *The Displacement of Nenets Women from Reindeer Herding and the Tundra in the Nenets Autonomous Okrug, Northwestern Russia* // *Acta Borealia*. 2001. Vol. 18. No. 2. P. 41–60.
doi: 10.1080/08003830108580525.

Vagramenko T.A. Religious Conversion and Nenets Bricolage: Making Modernity in the Polar Ural Tundra: PhD thesis / National University of Ireland. Maynooth, 2014. 296 p.

Штефан Дудек

Пер. с англ. Александры Захаровой
под ред. Марии Пироговской

**A Review of Laur Vallikivi, *Words and Silences: Nenets Reindeer Herders and Russian Evangelical Missionaries in the Post Soviet Arctic*.
Bloomington, IN: Indiana University Press, 2024, XVII+336 p.**

Stephan Dudeck

University of Tartu
16 Ülikooli, Tartu, Estonia
dudeck@ut.ee

This review critically examines Laur Vallikivi's monograph *Words and Silences: Nenets Reindeer Herders and Russian Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic*, a detailed ethnographic study of religious conversion among the Nenets of the Russian Arctic. The book analyses the transformation of concepts of personhood, ethics, linguistic practices and spirituality among a particular group of Nenets who were never integrated into most of the social and economic changes and political system of the Soviet Union, but who in recent decades have witnessed the conversion of a significant part of the community to Protestantism. The author explores the tension between the Nenets' cultural ideals of independence and relational reciprocity and the hierarchical dependencies of Protestant ideology. He provides a multi-layered analysis of events ranging from the burning of sacred objects to the reinterpretation of speech and silence among the Nenets, in order to shed light on the ontological and epistemic shifts brought about by conversion. The review examines how Vallikivi uses theories from religious studies and anthropology to understand the implications of conversion for identity and worldview. The book offers a compelling narrative of how religious conversion catalyses a reconfiguration of relationships with humans, non-humans and the environment, marking it as a significant contribution to the anthropology of religion and Arctic studies.

Keywords: Ural Nenets, Christian mission, Protestant ethics, animism, personhood, reindeer herding.

References

- Hakkarainen M., 'Shamanizm kak kolonialnyy proekt' [Shamanism as a Colonial Project], *Antropologicheskij forum*, 2007, no. 7, p. 156–190. (In Russian).
- Kasten E., Krupnik I., Fondahl G. (eds.), *A Fractured North: Facing Dilemmas*. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2024, 258 p.
- Scott J. C., *Seeing Like A State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT; London: Yale University Press, 1998, XIV+445 p.
- Tuisku T., 'The Displacement of Nenets Women from Reindeer Herding and the Tundra in the Nenets Autonomous Okrug, Northwestern Russia', *Acta Borealia*, 2001, vol. 18, no. 2, p. 41–60.
doi: 10.1080/08003830108580525.
- Vagramenko T. A., *Religious Conversion and Nenets Bricolage: Making Modernity in the Polar Ural Tundra*: PhD thesis, National University of Ireland. Maynooth, 2014, 296 p.